

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫП. XV

АФРИКА И АЗИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1973

М. В. Воробьев

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЧЖУРЧЖЭНЕЙ

В некоторых научных кругах все еще распространены привычные, но устаревшие концепции, касающиеся этнической истории чжурчжэней и их культуры. Даже известные авторы солидных трудов иногда отстаивают тезис о позднем образовании чжурчжэньской народности — не ранее X в. [27, стр. 144], чрезмерно архаизируют хозяйство, общество и культуру X—XI вв. [16, стр. 305], называют чжурчжэней варварами [30, стр. 67—69], а их возвышение относят исключительно за счет военной удачи [19, стр. 140], преувеличивают роль китайской культуры и этноса в расцвете и упадке чжурчжэньской государственности и культуры в XII—XIII вв. [20, стр. 194; 23, стр. 230], объясняя упадок их государственности прежде всего разлагающим действием китайской ассимиляции и аккультурации на «варварское» общество [28; 29, стр. 46—47], считают монгольское нашествие в середине XIII в. концом культурно-этнической истории чжурчжэней, а прошлое Маньчжурии, Приамурья и Приморья в XIV—XVI вв. лишенным культурного значения [12, стр. 55].

Подобные взгляды сложились вследствие неточной оценки роли китайской цивилизации и этноса в формировании культур и народностей Дальнего Востока. С одной стороны, традиционным для исторической науки ряда стран Дальнего Востока и для многих европейских ученых является отождествление китайской культуры с дальневосточной. В результате изучение культуры некитайских стран и народов иногда ведется под углом зрения китайской цивилизации и применительно к ней. С другой стороны, простое наличие «китаизмов» в изучаемых культурах иногда служит поводом признать последние несамостоятельными, китаизированными. Этому немало способствуют отсутствие или бедность оригинальной литературы у ряда народностей Дальнего Востока и неизбежное ограничение в основном старыми китайскими источниками, не свободными от тенденциозности. Все это относится и к истории изучения чжурчжэней¹.

---

¹ Подобные взгляды иногда имеют под собой и более глубокие идеологические и политические основания. См. критику концепций Эберхарда, Фэрбэнка и в особенности Витфогеля о «регенеративных» изменениях в традиционном китайском обществе, вызванных вторжениями [2, стр. 31], и китаецентристских взглядов ряда китайских ученых, в частности, оценки китайских завоеваний как культуртрегерских [4, стр. 6—7].

Этноним «чжурчжэни» (китайские варианты — «ньючжи», «ньючжэнь») был известен киданям и китайцам с первой половины X в. («Синь удайши»), но, по более позднему источнику («Цзинь чжи»), в правление танского Тай-цзуна (627—649) чжурчжэни уже торговали на пограничных рынках конями и приезжали к китайскому двору. Китайский историк Ма Дуань-линь считает первой датой их появления в Китае годы кайхуан (581—600) династии Суй [25, стр. 428]. Однако, как сообщает корейский автор, уже восьмой этаж девятиэтажной пагоды храма Хваннюса, построенной в 553—566 гг. в Корее, был посвящен распространению буддизма у некоего народа ньюиди; по-видимому, это были ньючжи [11, стр. 71]. Китайские источники тех лет почти не делают различия между племенами чжурчжэней и мохэ. Это подтверждает культурную и этническую связь чжурчжэней с племенами мохэ, а также с их родичами — сумо и бохайцами: род ваньянь — будущий царский род и ядро народности чжурчжэней — принадлежал к сумо и переселился в Маньчжурию из Кореи (с бывших бохайских земель).

Формирование чжурчжэньской народности началось с середины VI в. и полностью завершилось в первой четверти XI в. Одновременно с этим этнонимы «чжурчжэньские мохэ» и «мохэ» уступили место на страницах корейской летописи «Корёса» этнониму «чжурчжэни» [7, изд. 4]. В X—XI вв. чжурчжэни являлись главным культурно-этническим компонентом Восточной Маньчжурии, Приморья и Приамурья, причем часть их размещалась на землях Ляо («мирные», или «культурные», чжурчжэни), а часть — в Северо-Восточной Маньчжурии, Приморье и Корее («немирные», или «дикие», чжурчжэни). Восточные роды «немирных» чжурчжэней уже тогда отличались самобытностью и независимостью [9, стр. 191—219].

Источники, составленные монголами и китайцами, в частности «Цзиньши» и другие, архаизируют образ жизни чжурчжэней в X—XI вв. [17, цз. 1]. Фактически основную роль в хозяйстве чжурчжэней в этот период играло скотоводство, а в конце XI в. и земледелие. На развитие скотоводства указывает выплата пени, приданого, калыма, дани скотом. В целом у чжурчжэней того времени существовало многоотраслевое хозяйство, но речные племена занимались рыбной ловлей, обитатели прибрежных и горных долин — скотоводством и коневодством, население лесных массивов — охотой, жители южных равнин — обработкой земли. В соответствии с основным видом хозяйства отдельные роды вели полукочевую (скотоводы и охотники) или оседлую (рыболовы и земледельцы) жизнь. В X—XI вв. чжурчжэни прошли путь от обитания в кибитках, землянках и шалашах до строительства поселков с постоянными наземными жилищами, отапливаемыми канами, возведения городищ, дворцовых строений простого типа в постоянной ставке племенного вождя в Шаньзине. Культура чжурчжэней в X—XI вв. была вполне самобытной. Именно чжурчжэни впервые широко применили манки при охоте на оленей, отопление горячим воздухом (т. е. кан, который попутно использовался и как лежанка, и как стол). Они создали особую религиозную систему — шаманизм. К исконным чжурчжэньским обычаям относятся левират, обряд поклонения солнцу, небу, ритуальное поранение лица в знак глубокой скорби, ношение кос мужчинами.

В X—XI вв. чжурчжэни находились на довольно высокой ступени первобытнообщинного строя. Общеплеменной союз «немирных» чжурчжэней в середине XI в. вступил в стадию военной демократии. По преданию, правитель Шилу ввел постановление, обязательные для всех племен, Угунай заложил основы армии, Хэлибу объединил почти все «немирные» чжурчжэньские роды. К началу XII в. общеплеменной союз

перерос в «варварское» государство [8] и закономерно встал вопрос об освобождении «мирных» сородичей, входивших в состав киданьской империи Ляо. Первых успехов — формального отделения от Ляо и провозглашения в 1115 г. династии Анчун или Айсин (кит. Цзинь или Да Цзинь) — чжурчжэни добились с относительно небольшими силами в несколько тысяч человек (и это действительно выглядит простой военной удачей), но полное уничтожение империи Ляо было достигнуто лишь к 1125 г. Быстрому возвышению чжурчжэней содействовали общий упадок киданьского общества, отложение многочисленных подвластных киданям народностей, видевших в чжурчжэнях своих избавителей, поддержка со стороны империи Сун. Но все эти факторы были бы для чжурчжэней бесполезными, если бы они не создали «варварское» государство, опиравшееся на военизированную сельскую общину из представителей сложившейся народности, сильной своей этнической монолитностью, единством культурных традиций, общностью интересов в борьбе с заклятыми врагами — киданями. Совпадение факторов социального переустройства с активными процессами этнообразования дало чжурчжэням огромную позитивную силу, обеспечившую им победу сначала над Ляо, а потом — над Сун [3].

В момент вторжения в Китай, т. е. в начале XII в., чжурчжэни в культурном отношении отнюдь не были «варварами», не могущими воспользоваться завоеванными и уничтожавшими на своем пути все, что выходило за рамки непосредственного потребления, как это в XIII в. часто делали монголы. Благодаря длительным контактам с бояйцами, корейцами, киданями и китайцами чжурчжэни еще в Маньчжурии соприкоснулись с существенными сторонами дальневосточной культуры. Вторгшись в Китай в 1126—1127 гг., они захватили в Кайфыне, отобрали и вывезли сутры, книги философского и научного содержания, карты провинций и списки населения, планы дворцов и храмов, ксилографические блоки, астрономические и музыкальные инструменты, церемониальную и религиозную утварь, медные сосуды, оружие. Они также захватили и заставили на себя работать врачей, аптекарей, астрономов, гадателей, конфуцианских ученых, преподавателей, художников, ювелиров, ткачей, резчиков, кузнецов, корабельщиков, танцоров и певиц и т. п. Выбор трофеев свидетельствовал о том, что завоеватели ставили цель использовать материальные, культурные и людские ценности [22, стр. 10—11].

В период развернутого государственного и культурного строительства в XII—XIII вв. чжурчжэни, разумеется, пользовались достижениями киданей, корейцев и китайцев. Так, при создании государственного аппарата чжурчжэни применяли готовые китайские формы: организацию двора, министерств и ведомств, титулатуру и табели о рангах и т. п. Но в эти формы они вкладывали свое содержание, соответствовавшее потребностям чжурчжэньского государства. Дворцовое министерство оказалось менее громоздким. Военное министерство совершенно не походило на китайское. Министерство казны ведало податями и сборами иного типа, чем в Китае. Территориальное деление страны отличалось от китайского (в особенности оригинальная система пяти столиц). Функции, порядок назначения и состав чиновничества были иными. Цзиньские кодексы сохраняли многие элементы обычного права (пеню, разрешение на левират и на выделение из чжурчжэньского хозяйства сына при жизни отца) и ввели принцип национальной подсудности.

Полного подражания здесь и не могло быть, так как социальный строй чжурчжэней в XII в. сильно отличался от сунского общества. «Варварское» государство эволюционировало в военное раннефеодаль-

ное, а с середины XII в. — в централизованную бюрократическую монархию. В основе чжурчжэньского общества лежали военизированные сельские общины мэнъянь и моукэ, которые являлись экономической и военной базой правительства. После завоевания Северного Китая часть общин была расселена среди китайцев. Общины и должны были, по мнению правительства, в силу своей монолитности мирными средствами обеспечить покорность китайского населения. Налог с членов общин исчислялся не с надела, а с упряжки рабочего скота [14, стр. 136—139]. Став полностью оседлыми земледельцами, чжурчжэни добились значительных успехов в добыче черных и цветных металлов [10]. Они отливали собственную разменную монету, впервые широко использовали государственные ассигнации [5].

Большим событием в культурной жизни чжурчжэней явилось создание собственной письменности. В 1119 г. были созданы «большие письма», а в 1138 г. — «малые». Эту письменность стали преподавать во всех школах, ее обязаны были знать все чиновники. В столицах и в 22 округах существовали школы, в которых для переводческой, преподавательской и чиновничьей деятельности одновременно готовилось до трех тысяч одних только чжурчжэней, состоявших на полном обеспечении сельских общин. С 1172 г. было введено обязательное изучение чжурчжэньского языка и письменности в сельских общинах, а также среди чиновников — кандидатов на должности. Неграмотные лишались права наследовать звания главы мэнъянь и моукэ. Чжурчжэньский язык становился государственным языком обширной империи, успешно выдерживая поток китайской лексики.

Примерно с 1164 г. на чжурчжэньский язык стали усиленно переводиться лучшие китайские философские и исторические сочинения: «Уцзин», труды философов Мэнцзы, Лаоцзы, Янцзы, Моцзы, «Сиханьшу» (по-видимому, «Цяньханьшу»), «Таншу». Чжурчжэни делали переводы трудов не только конфуцианцев — всемогущих в Китае, но и представителей иных философских школ. Известно сравнительно мало переводов буддийской литературы. Не ограничиваясь переводческой деятельностью, чжурчжэньская наука создала немало самостоятельных трудов по различным отраслям знаний, к сожалению, почти все они погибли. Таких работ насчитывалось не менее 400. Это комментарии к китайским философским произведениям (в особенности к «Ицзин», «Шуцзин», «Чуньцю», «Сышу»), труды по чжурчжэньской письменности, китайским рифмам и тону, летописи чжурчжэньских императоров, общие истории киданей и чжурчжэней, географо-этнографические описания, руководства по обрядам и церемониям, каталоги древней утвари, книги по медицине, астрономии, летосчислению, календари и т. д. Существовала оригинальная художественная литература, представленная сборниками стихов, пьес. В стране были построены астрономические обсерватории, книгопечатни, больницы. Чжурчжэньская архитектура создала собственный стиль пагод (под влиянием киданьских и танских образцов), оригинальный тип городищ — с ронделями на земляных стенах, с воротами, защищенными барбаканами или захабами, прямоугольных на равнинах и свободной формы на сопках. Чжурчжэни изготавливали своеобразную керамику и черепицу, детали архитектурно-декоративного убранства, бронзовые зеркала и пр. [1; 18].

Старый семейный строй со второй четверти XII в. претерпел некоторые изменения. У чжурчжэней получили распространение смешанные браки. Зачастую эти браки заключались в Китае с китайками без прекращения старого брака в Маньчжурии. Еще большее число китайок стало наложницами и рабынями в домах чжурчжэньской знати и

воинов. Смешанные браки в Северном Китае поощрялись цзиньским правительством, которое преследовало цель «умиротворения» китайцев. С этим был связан обычай перемены фамилий, иногда выдаваемый за одно из очевидных свидетельств ассимиляции чжурчжэней. Этот обычай возник у чжурчжэней как акт полуритуальный в период похода на Кайфын: удачливые чжурчжэньские военачальники, боясь мести духа врага, меняли свои фамилии. В то же время чжурчжэньские императоры жаловали своим приближенным китайские фамилии в знак победы над Китаем. Несколько позднее чжурчжэньские переселенцы в Северном Китае сами стали менять свои фамилии на китайские. Но уже в 1129 г. пожалование китайских фамилий прекратилось, а в 1173 г. всем самовольно принявшим китайские фамилии было велено восстановить чжурчжэньские [26, стр. 1102, 1114—1116].

Традиционное поклонение небу и духам природы, обряды, связанные с шаманизмом, продолжали бытовать среди рядовых чжурчжэней. Наряду с этим в эпоху Цзинь распространились буддизм и даосизм, пользовавшиеся неустойчивым успехом среди чжурчжэньской знати. Культ великого предка династии — Тай-цзу, обряд жертвоприношения духам императорских предков один раз в пять лет или один раз в три года, моления Конфуцию, в честь четырех сезонов были приняты императорским домом Цзинь в целях своего возвеличения.

Погоня за предметами роскоши, увлечение игрой в шашки и шахматы, музыкой и танцами, чаепитием, литературой и поэзией, одеждой и украшениями на китайский манер — все это было характерно для богачей и знати. Они же возводили грандиозные здания — жилые и административные. В то же время жизнь рядовых чжурчжэней оставалась весьма скромной. Даже в огромной Красноярской крепости у г. Усурийска (Приморье) рядовые ее обитатели жили в небольших глинобитных хижинах без черепичных крыш, но с воздушным отоплением в виде кана и пользовались простыми железными орудиями труда и оружием, чугунными котлами и бытовой глиняной посудой, сделанной на месте.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что китайская культура и этнос не разрушили культурной и этнической самобытности чжурчжэней в государстве Цзинь, хотя и оказали на них определенное воздействие. Кроме внутренней устойчивости чжурчжэньской культуры и этноса здесь имела место и сознательная национально-охранительная политика цзиньского правительства (и прежде всего императора Шичзуна), проявившаяся во всех областях жизни чжурчжэньского общества: в хозяйстве, в семейной и общественной сфере, культуре, просвещении, языке и пр. [31].

Чжурчжэньская культура в свою очередь оказала весьма ощутимое влияние на Китай, даже на его южные районы. В китайский язык проникло много чжурчжэньских слов. Чжурчжэньские песни, танцы и музыка пользовались известностью в Китае. Пожалуй, наиболее ярко это воздействие сказалось на обычаях и одежде китайцев. Именно чжурчжэни впервые привили китайцам обычай ношения кос. Чжурчжэньские одежды получили широкое распространение, особенно из тканей фиолетового и малинового цветов [24]. Ряд элементов чжурчжэньской культуры проникал в Китай стихийно, другие насаждались чжурчжэнями сознательно, как, например, язык и просвещение, некоторые виды одежды и ношение кос. В подвластных Цзинь землях все делопроизводство велось на чжурчжэньском языке, за исключением судебного разбирательства, где допускалось применение китайского языка. Южносунские императоры, учитывая воздействие чжурчжэньской

культуры и этнического элемента, стремились воспрепятствовать ему путем перенесения китайской столицы далеко на юг, запрета поездок китайцев в Цзинь, сношений с чжурчжэнями, строгой охраны границы и т. д. [21, стр. 703—704].

Таким образом, чжурчжэни и их культура сохранили свою жизнеспособность в XIII в., и не культурная китаизация и этническая ассимиляция чжурчжэней привели к разгрому их империи. Здесь действовали политические и социально-экономические причины, на анализе которых мы не останавливаемся.

Военный разгром государства Цзинь отнюдь не означал исчезновения культурно-этнической общности чжурчжэней, как это иногда считают [12, стр. 55], хотя она и лишилась многих своих достижений. Уже при императоре Хубилае введение административного деления в разоренных и покоренных районах Маньчжурии содействовало возрождению чжурчжэньских поселений (в 1292 г. — в Фууюй, в 1295 г. — в Чжаочжоу и т. д.). После изгнания монголов новой китайской династии Мин удалось распространить свое влияние на некоторые области Маньчжурии. На землях чжурчжэней были организованы три военных округа — Хайси, Цзяньчжоу, Ежэнь, начальниками которых были назначены чжурчжэньские вожди. Сами округа официально наделялись широкой автономией, а фактически были почти независимыми [13]. В этих округах сохранялись старые племенные порядки и обычное право. Вожди и старейшины чжурчжэней носили цзиньские звания. Чжурчжэни сохранили привычный хозяйственный уклад, многие традиции XI—XII вв., родной язык и письменность, о чем свидетельствует знаменитый Тырский памятник, поставленный в низовье Амура в 1413 г., на котором одна из надписей выполнена малыми чжурчжэньскими письменами. Это означает, что чжурчжэньский язык и письменность употреблялись в XV в. и в низовьях Амура — на окраине или даже за пределами исконно чжурчжэньских земель. Чжурчжэньская письменность преподавалась в маньчжурских школах до второй половины XVII в. В середине XV в. наметилась новая этническая и политическая консолидация чжурчжэней (в округе Цзяньчжоу), которая привела к возникновению народности маньчжуров. Оказывая активную помощь корейцам в войне с японцами, чжурчжэни демонстрировали великолепное умение ездить верхом, стрелять из лука с коня, строить крепости и города — все то, чем они славились и в XII в. [6, стр. 402—408]. Один из начальников округа Цзяньчжоу — Нурхаци — сумел вновь объединить чжурчжэней (теперь известных под наименованием маньчжуров) и в 1616 г. образовать государство, которому дал название Цзинь, желая подчеркнуть преемственность с чжурчжэньской империей.

Как видим, этническая история чжурчжэней восходит по меньшей мере к середине VI в.; в X—XI вв. у них уже существовало многоотраслевое, частично товарное хозяйство. На этой базе сложились народность и государственность чжурчжэней; их военная мощь оказалась лишь закономерным следствием этих процессов. Чжурчжэни создали свою собственную высокую культуру и вступили в контакт с дальневосточным миром [15, стр. 41]. Их государство рухнуло под напором превосходящих сил монголов, и одновременно пришли в упадок и многие сферы культуры. Но многое сохранялось в продолжение нескольких веков, пока жив был чжурчжэньский народ, а потом стало достоянием их потомков. Ведь чжурчжэни оказались весьма стойким этническим организмом: они не только образовали основу маньчжурской народности, но и участвовали в складывании других тунгусо-маньчжурских племен (в частности, нанайцев).

1. Аргудяева Ю. В., Чжурчжэньская черепица (по материалам археологических разведок 1960 г.),— «Материалы по истории Сибири: Древняя Сибирь, вып. I. Археология и этнография Дальнего Востока», Новосибирск, 1964.
2. Березный Л. А., Проблема развития средневекового китайского общества в современной американской буржуазной историографии,— «Вестник Ленинградского университета», № 20, Л., 1963, вып. 4.
3. Воробьев М. В., Этнос в средние века (на материале этногенеза чжурчжэней),— «Доклады отделений и комиссий ГО СССР», вып. 3, Л., 1967.
4. Вяткин Р. В. и Тихвинский С. Л., О некоторых вопросах исторической науки в КНР,— «Вопросы истории», М., 1963, № 10.
5. Ивочкина Н. В., Начало выпуска денег в чжурчжэньском государстве Цзинь,— «Сообщения Государственного Эрмитажа», № 29, Л., 1968.
6. «История Сибири», т. I, Л., 1968.
7. «Корёса» (История династии Корё), Пхеньян, 1962—1963 (на кит. яз.).
8. Кычанов Е. И., К вопросу о ранней государственности у чжурчжэней,— «Труды Дальневосточного филиала СО АН СССР», сер. ист., т. VI, Владивосток, 1968.
9. Ларичев В. Е., Тайна каменной черепахи. Документальная повесть об одном археологическом поиске, Новосибирск, 1966.
10. Ленюков В. Д., Производство и обработка металлов у чжурчжэней в XII веке (По материалам исследований Шайгинского городища), автореферат, Владивосток, 1971.
11. Ли Е Сон, Очерки истории корейского искусства (Чосон мисулса кэё), Пхеньян, 1955 (на кор. яз.).
12. Люй Чжэнь-юй, Краткая история народов Китая (Чжунго минцзу цзяньши), Пекин, 1951 (на кит. яз.).
13. Мелихов Г. В., Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае — «Татаро-монголы в Азии и Европе», М., 1970.
14. Миками Цугио, Чжурчжэнь эпохи Цзинь (Кин-дай дзёсин-но кэнкю), Токио, 1937 (на яп. яз.).
15. Окладников А. П., Тунгусо-маньчжурская проблема и археология,— «История СССР», 1968, № 6.
16. «Очерки истории Китая. С древности до „опиумных войн“», пер. с кит., М., 1959.
17. «Цзиньши» (История династии Цзинь), сост. То Кэ То и др. при династии Юань, Шанхай, 1936 (на кит. яз.).
18. Шавкунов Э. В., Культура чжурчжэней Приморья по материалам археологических раскопок 1960—1965 гг.,— «Труды Дальневосточного филиала СО АН СССР», сер. ист., т. VII, Владивосток, 1967.
19. Cordier H., Histoire générale de la Chine, vol. 2, Paris, 1920.
20. Grousset R., The Rise and Splendour of Chinese Empire, Berkeley — Los Angeles, 1959.
21. Haneda T., La civilisation chinoise et les dynasties barbares du Nord de la Chine,— «Recueil des oeuvres posthumes de Toru Haneda», vol. 1, Kyoto, 1957 (на яп. яз.).
22. Hsü Ping-ch'ang, Notes on the Epitaph of the Wan Yen Hsi Yin of the Chin Dynasty,— «Shihhsueh chihk'an (Historical Journal)», vol. 1, № 1, Peiping, 1926 (на кит. яз.).
23. Latourette K. S., The Chinese. Their History and Culture, New York, 1957.
24. Liu Ming-shu, The Culture of the Liao and Chin in its Southward Movement During the Sung,— «Chungkuo wenhua yenchin huik'an (Bulletin of Chinese Studies)», vol. VI, Chengtu, 1946 (на кит. яз.).
25. Ma Touan-lin, Ethnographie des peuples étrangers à la Chine,— «Atsuma Gusa», fasc. 11, Genève, 1876.
26. Mikami T., Die Belebungsbevegung der Jortschen-kultur in Mittel-Chin-Zeitalter,— «Shigaku zasshi», Tokyo, 1938, Bd 49, № 9 (на яп. яз.).
27. «An Outline History of China», Peking, 1958.
28. Tao Jing-shen, The Jurchen in Twelfth Century China: a Study of Sinification. Thesis, Indiana University, 1968.
29. Toyama G., Studies in History of Chin Dynasty, Kyoto, 1964 (Oriental Research Series, № 13) (на яп. яз.).
30. Tsién Pö-tsan, Chao Siun-tcheng, Hou Houa. Histoire générale de la Chine, vol. 2, Paris, 1920.
31. Yao Tsung-wu, The Policy of Emperor Shi-tsung of the Kin Dynasty with Regard to the Adoption of Chinese Culture and Preservation of the its Ancestral Customs by its Own People,— «Bulletin of the College of Art, Taiwan University», 1952, № 4 (на кит. яз.).